

Мысли по поводу статьи Л.Николовой

[Сергей Конча](#)

Присоединяясь ко мнению уважаемых комментаторов о неоднозначности и порой странности положений, представленных в статье Лолиты Николовой, хотелось бы заметить, что статья могла бы послужить поводом для более глубокого обсуждения тех тенденций, которые можем наблюдать ныне в науке, в частности западной науке. Л.Николова явно разделяет довольно распространённый ныне взгляд, согласно которому лишь изучение эволюции материальной культуры и технологий дают ключ к пониманию исторического развития вообще. Что же касается таких аспектов как этнический (можно также сказать, этнокультурный), то их значение сводится сугубо к символично-знаковому наполнению разных культур, которое никак не влияет и не может влиять на магистральный, т. е. техногенный, путь развития человечества. Поэтому, конечно, неслучайно автором делается постоянный акцент на том, что археологи (историки) прилагающие усилия к изучению этнических различий и вопросов этноязыковой дифференциации в прошлом попросту тратят время зря. Настойчивые призывы отказаться от такого подхода и заняться «серьёзной наукой», живо напоминают аналогичную тенденцию в антропологии (рассматриваемую на этом сайте в статье Леонида Яблонского), где в последнее время предпринимаются попытки отказаться от изучения и самого признания рас (естественно под благовидным предлогом борьбы с расовыми противоречиями). Надо полагать, следующим шагом станет идея отрицания этнической специфики или сведения этнического своеобразия к тривиальной «этнике» — различиям в способе исполнения песен и танцев.

Впрочем, не заходя слишком далеко, хочу поделиться с читателями теми мыслями, которые вызвали у меня некоторые положения Л.Николовой, некоторые из которых могут быть восприняты как вопросы к предполагаемому обсуждению.

«Преистория – это история материальной культуры».

Данное категоричное определение во многом задаёт тон нижеследующему изложению, а потому важно. Лично для меня эта максима выглядит несколько неожиданно. Поскольку история (history) в привычном понимании есть совокупность материальных и духовных проявлений деятельности человека, рассматриваемых во временном (эволюционном) изменении, то понятие преистории (prehistory) воспринимается в контексте отечественной традиции как то же самое, но применительно к дописьменному периоду.

Впрочем, здесь не буду судить однозначно, а обращусь за разъяснением к организаторам сайта и, прежде всего, к Л.С.Клейну, как наибольшему знатоку определенческих парадигм в археологии и древней истории.

«При этом, изучение преистории требует высокого интеллекта и сверхупорного изучения материальной культуры, что для непрофессионалов выглядит одним и тем же или почти так».

Трудно было бы оспаривать данную мысль, но в общем контексте это звучит так, что *только* в изучении материальной культуры (= преистории) и проявляется интеллект. Те же, кто пытается заниматься чем-то другим – например, исследованием духовной культуры или этнической историей, равно как и популяционной генетикой (биоантропологией по автору) проводят время в праздности, значительного интеллекта их занятия не требуют.

«Изучение преисторических культур также требует качественных знаний по теории культуры, взаимодействию культур, миграциям, языкам и культурам, правильной интерпретации, соответствующего статистического анализа и выводов и т.д.»

Всё правильно. Но как ни странно, вместо того, чтобы призвать представителей других направлений последовать этому примеру и озаботиться высоким уровнем качества исследований (свойственным, по мнению автора, лишь «преисторикам»), Л.Николова, как видно из нижеследующего, призывает всех учёных-«антропологов» («антрополог» здесь в широком смысле), прекратить заниматься ерундой, а заняться изучением материальной культуры, как единственно плодотворным и достойным звания науки занятием.

«Авторы «Массовой миграции..» отступили от позиции, ставшей результатом огромного труда думающих и осммотрительных ученых — языки не могут быть скоррелированы с археологическими культурами».

Очень странно слышать подобное от известного учёного, почти современного классика. Хорошо известно, что с археологическими культурами (определёнными совокупностями материальных памятников) давно уже «скоррелированы» скифы (6 — 3 вв. до н.э.), фракийцы (10 – 1 вв.), кельты (8 – 1 вв. до н.э.), славяне (5 – 10 вв. н.э.), готы и другие германцы (1 – 6 вв. н.э.). Речь правда идёт об эпохах, когда ареалы народов (а значит и их языков) стали более или менее известны по письменным источникам и благодаря этому могут сопоставляться с ареалами археологических культур. Но сами факты такого достаточно уверенного соотнесения говорят о возможностях и перспективах подобного же коррелирования в доисторическом прошлом. Собственно, определённые успехи уже достигнуты: можно вспомнить андроновскую культуру и реконструкции Е.Е.Кузьминой, катакомбно-индоарийские сопоставления Л.С.Клейна и т.д.

Конечно, никто не собирается утверждать, что те жители преисторических эпох, кто отпечатывал на лепных горшках шнур, все говорили на одном языке, а те, кто гребенку или плетёнку непременно должны были изъясняться на другом. Но отсутствие жёстких границ, как между культурами, так и между языками, несомненное отсутствие 100% совпадения между ареалами культур и языков несколько не может говорить о том, что никаких совпадений вообще не существовало и никакая корреляция невозможна в принципе.

«Совмещение языка с материальной культурой – это чисто механический процесс: язык А был в обиходе во время А, материальная культура А была во время А, следовательно носители материальной культуры А говорили на языке А. Это поверхностное наблюдение, но вовсе не наука».

Создаётся впечатление, что автор этих размышлений просто не понимает тех вещей, которым столь категорично пытается

учить других.

«Так как первые письменные источники документируют индоевропейские культуры, то начало этих языков уходит к началу нового стиля. Но это не так».

Насколько можно понять из контекста, под «началом нового стиля» следует понимать культурные преобразования конца 4 – начала 3 тыс. до н.э., вслед за которыми по всей Центральной и Восточной Европе наблюдаем принципиально иную этнокультурную картину — в частности широчайшее распространение культур ШК и ямной, или, условно скажем, «курганной». Действительно, проходит ещё тысячелетие и письменные источники упоминают на тех же территориях разные группы индоевропейцев. Логика в построениях сторонников данного подхода, следовательно, присутствует. Почему же получается, что столь заведомо и однозначно «это не так»? А как?

«Напротив, историки языков очень хорошо демонстрируют, что языки не зависят от материальной культуры».

Языки не могут не зависеть от материальной культуры уже просто потому, что и первые и вторая есть две неотъемлемые стороны бытия человеческих сообществ.

Что за «историки языков» имеются здесь в виду? Можно привести массу авторов-лингвистов развивающих как раз обратную точку зрения.

«Индоевропейская археология была одной из наиболее манящих и наименее успешных ветвей преисторической археологии в XX веке».

Пусть меня поправят, но, по моему глубокому убеждению, то, что автор называет «индоевропейской археологией» явилось как раз генератором идей в развитии всей первобытной (преисторической) археологии, одним из главных стимулов её развития. Достаточно вспомнить, что такие классики как Густав Косина и Гордон Чайлд, начав с изучения индоевропейского прошлого как филологи, в поисках новых источников переквалифицировались в археологи. Их стопами пошли многие лингвисты, историки, этнографы, палеобиологи и т. д. Конечно, не только индоевропейцы как таковые интересовали исследователей: жаркие дискуссии возникали вокруг корней и прародин германцев, славян, кельтов, иранцев, всех прочих известных этнических ветвей и групп. Дискуссии и споры зачастую и стимулировали развитие «преистории»-археологии. Именно «романтики» были первопроходцами, а «суровые педанты» (вроде автора статьи) пришли им на смену уже тогда, когда основы «преистории» были в основном заложены.

То, что центральные задачи «индоевропейской археологии» до сих пор не решены, можно объяснить не тупиковостью подхода и не примитивностью авторов его разделяющих, а сложностью задач и многоаспектностью проблематики.

Итак, напрашивается, к сожалению, грустный вывод о том, что Л.Николова (будучи, конечно, классным вещеведом, палеохронологом и проч.) элементарно не знает истории той самой дисциплины, которую собирается продвигать и развивать в Америке.

«Почему некоторые авторы продолжают эту малоуспешную ветвь, неясно».

Если бы все учёные занимались только тем, что заведомо «многоуспешно», наука давно бы выродилась. Надеюсь, не к этому нас хочет призвать многоуважаемая автор статьи.

«Возможно, причины этого далеки от науки, но проиграют те, кто поставит на ученых, ничего в итоге не сделавших».

Ещё один удручающий пример ограниченного узкоглядства автора, для которой, похоже, опись материальных остатков и есть конечный результат науки.

Подводя итог, нельзя конечно, не согласиться с автором статьи в том, что соотношение между ареалами культур и языков не может быть сведено к простому интуитивному наложению или поверхностному отождествлению по хронологии. Но совершенно ясно, что подобные вопросы должны составить отдельный важный раздел методологии, к их развитию и усовершенствованию и следует всячески стремиться историкам культуры, а не с ходу их отсекают, в необходимости чего почему-то упорно пытается убедить читателя автор. Прискорбно, что эти идеи, вне сомненья, будут широко пропагандироваться Л.Николовой в качестве директора Международного Института Антропологии в Солт-Лейк-Сити.